

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Лии Леонидовны Ермаковой «Вячеслав Иванов – переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература» (Санкт-Петербург, 2021)

Диссертация Л.Л. Ермаковой – явление нетривиальное в российской научной жизни. Хотя тему исследования – переводы Эсхила Вячеславом Ивановым – трудно назвать новой, тем не менее она никогда не подвергалась столь комплексной и многоплановой проработке, какая предпринята в диссертации Л.Л. Ермаковой.

Прежде всего обращает на себя внимание композиция диссертации. Она отражает многовекторность исследования и многоипостасность научного профиля исследовательницы. Совмещение в одном лице классического филолога, стиховеда и историка литературы – явление редчайшее и достойное восхищения. Оно-то, по всей видимости, и обусловило необычную структуру диссертации – ее деление на разделы и потом уже на главы с параграфами. Каждый из разделов посвящен одной из сторон ивановских переводов Эсхила (история, символика, стиль, метр) и характеризуется применением совершенно разных методологических подходов: текстологический и историко-литературный в первом разделе; переводоведческий и лексико-семантический – во втором; лексико-стилистический – в третьем и стиховедческий – в четвертом. Это обилие подходов к ивановским переводам Эсхила создает ощущение, что исследование представляет собой не одну, а несколько диссертаций in pace.

Особого внимания и отдельного восхищения достойны две стороны представленной диссертации – погруженность в античный материал и стиховедческая компонента. Ориентация Иванова на античность – вещь самоочевидная, но многозначительная. Понять Иванова вне германского возрождения и неогуманизма XVIII-XIX вв. практически невозможно, однако в ивановведческой среде явственно ощущается дефицит профессиональных классических филологов, имеющих вкус и страсть заниматься рецепциями античности в модернистской культуре. Приятно сознавать, что Л.Л. Ермакова пополняет узкий круг, куда ранее вошли С.С. Аверинцев, Н.В. Брагинская, Ф. Вестбрёк, В.В. Петров и др. Незаслуженно мало обращаются исследователи также к стиховой материи ивановской поэзии. И понятно почему: специфичность ивановской версификации и просодии требует неординарной даже для стиховеда компетенции. По всей видимости, осведомленность Лии Леонидовны в классической филологии в немалой степени способствует исследовательской зоркости к метрическим явлениям, характерным для ивановской имитации античной ритмики.

Стоит отметить, что методологический синкретизм, отличающий диссертацию Л.Л. Ермаковой, релевантен объекту ее изучения – переводческому творчеству Вячеслава Иванова. Поражающая каждого исследователя многоплановость ивановских текстов, сочетающих смысловую глубину и формально-стилистическую изысканность, может быть описана только с помощью сложной системы «измерительных приборов», коими Лия Леонидовна владеет в совершенстве.

Одним из достоинств диссертации является также воссоздание истории ивановских переводов. Эта история уже была довольно полно описана Н.В. Котрелевым, однако Лии Леонидовне, прежде всего в результате привлечения архивных источников, удастся ее существенно дополнить. Вместе с тем, на наш взгляд, исследовательница не расставляет должные акценты в том, что касается начала ивановской работы над переводом Эсхила. В тексте диссертации читаем: «Когда именно поэт начал работу над переводом – неизвестно, но в конце января – начале февраля 1913 года он сообщал издателю, что занят переводом «Агамемнона» и «меньше, чем через два месяца» его завершит» (С. 21). В автореферате дана такая формулировка: «Судя по всему, работа над переводом «Орестей» началась в 1912–1913 годах» (С. 11), хотя ниже отмечается, что первая надежно датированная рукопись ивановского перевода относится к концу 1912 года. Создается впечатление, что Лия Леонидовна находится под влиянием авторитета Н.В. Котрелева, который писал: «Начат ли был в 1911 г. или зимою 1912 г. перевод Эсхила всерьез – сведений нам не дано»¹. Однако все сомнения относительно того, что работа Иванова над переводом Эсхила началась именно в конце 1912 года, должны быть наконец сняты в силу двух доводов. Первый (и самый сильный) – тот, что обнаружила диссертантка, – черновой автограф трагедии «Агамемнон». Второй, не приводимый Ермаковой, – письмо Иванова к Гершензону от 20 декабря 1912 г.: «Я углубляюсь в окончательную редакцию тома «Экскурсов» (монографических статей с филолог[ическим] аппаратом) к «Дионису», и рядом с этими филологическими историями идет Эсхил»².

Одной из самых сильных, я бы даже сказал – завораживающих сторон диссертации является внимание к «молекулярному» составу ивановской поэзии – слову и образу. С какой ювелирной скрупулезностью Лия Леонидовна разворачивает перед читателем утонченную работу Иванова со словом, поиск семантических и стилистических соответствий древнегреческому оригиналу в русском языке! Чего только стоит паронимия «Елена – плен – пленять – пленница – полонить», передающая игру слов в подлиннике: Ἑλένα; ἑλένας, ἑλανδρος, ἑλέπτολις! Или внутренние рифмы, с помощью которых Иванов передает характерные для Эсхила гомеотелевты: *Скорблю душой. Низвергнут в прах / Божий страх. Расотпан стыд.*

Некоторые авторы научных работ об Иванове отличаются слабой степенью того, что Иванов, говоря о немецком классическом филологе Фридрихе Велькере, обозначал термином *Einführung* (вживание, проникновение). Делая разовые вылазки в область ивановского творчества, они озвучивают такие суждения, которые нацелены на нравственную, религиозную, эстетическую или философско-идеологическую дискредитацию Иванова. Этот контингент ученых отчетливо обозначен в недавней обзорной статье С.В. Федотовой в журнале «*Studi Slavistici*»: Н. Бонецкая, Г. Гусейнов, В. Паперный и др. Статус «своего» в иванововедении таит в себе, однако, одну роковую опасность, при которой, как пишет Г.В. Обатнин, «все творчество Иванова сводится к идеологическим конструкциям, предложенным им самим»³. Образно говоря, любой исследователь Иванова подобен Одиссею:

¹ Котрелев Н.В. Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. С. 502.

² Письма Вяч. Иванова и М.О. Гершензона / Публ. Елены Глуховой и Светланы Федотовой // Русско-итальянский архив. VIII. Сост. Кристиано Дидди и Андрей Шишкин. Салерно, 2011. С. 54.

³ Обатнин Г.В. Иванов-мистик (Окультурные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 4.

траектория его научного исследователя пролегает между Сциллой (отсутствием эмпатии к Иванову и гетерономностью исследовательского взгляда) и Харибдой (вращением в круге ивановских универсалий без должной степени рефлексии и отстраненности, необходимой для научной объективности). Лии Ермаковой, на наш взгляд, вполне успешно удастся пройти это самое суровое из испытаний Одиссея-иванововеда, в деликатных и подобающих пропорциях совмещая известную долю критицизма к переводческой стратегии Иванова с исследовательской эмпатией, кульминирующей во внимании к работе Иванова со словом, звукообразом, стилистическими и ритмическими средствами выразительности.

Одно из направлений диссертационного исследования Л.Л. Ермаковой было рассмотрение Иванова как **интерпретатора** трагедий Эсхила. Необъятное, как известно, объять нельзя, а в случае с Ивановым категория необъятности предстает в своих самых устрашающих, циклопических объемах. Тем не менее нельзя пройти мимо того, что проблема Иванова как интерпретатора Эсхила диссертанткой несколько заужается. Герменевтическая составляющая ивановских переводов, им, безусловно, свойственная, рассматривается на имманентном уровне, подразумевающим ответ на вопрос, как Иванов переводит те или иные наиболее значимые эхилевские понятия, какую цель преследует, давая тот или иной перевод. Постановка ивановских образов (двойного топора, например) и концептов греха и судьбы в контекст его историко-религиозных и мистико-философских взглядов тоже не исчерпывает тему интерпретации Эсхила. На наш взгляд, вне поля зрения Лии Леонидовны оказывается такая составляющая интерпретации, которую можно условно назвать диалогической. То, что ивановские тексты создавались с помощью «паутинообразных» перекличек с текстами его современников и предшественников (так называемых «вечных спутников»), является *consensus omnium* среди иванововедов. Подтверждения этого феномена встречаются сплошь и рядом, однако драматургическое творчество Иванова, оригинальное и переводное, материалом которого становится, как правило, античная мифология, демонстрирует одну любопытную тенденцию, на которую впервые, по-видимому, четко указал Филипп Вестбрёк⁴: создавая свои трагедии, Иванов вступает в диалог с классическими филологами XIX века, примыкая к одним и дистанцируясь или даже дискутируя с другими. Вестбрёк, например, показывает, что, создавая в 1924 году трагедию «Антигона», Иванов опирался на Велькера и полемизировал с Виламовицем. Наши исследования трагедии Иванова «Прометей», которая, как известно, создавалась в значительной степени параллельно работе над переводом Эсхила и мыслилась Ивановым как своеобразная «реставрация» первой части эхилевской трилогии «Прометей-огненосец», – так вот, наши исследования ивановского «Прометея» показывают, что он опирался на книгу Велькера «Die Äschyleische Trilogie Prometheus und die Kabirenweihe zu Lemnos» (Darmstadt 1824) и вступал в заочную дискуссию с французским мифологом Саломном Райнахом и английским этнографом Джеймсом Фрээрером по поводу природы орла/коршуна в прометеевском мифе⁵.

⁴ Вестбрёк Ф. Фрагмент неоконченной трагедии «Антигона» Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo*. VIII Международная конференция «Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и Поэзией». XXI. 2002. 2. С. 178.

⁵ Каяниди Л.Г. Орнитологическая символика (орел / коршун) в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021 (в печати).

Возвращаясь к диссертации Л.Л. Ермаковой, стоит сказать, что этот диалогический аспект ивановского драматургического творчества совершенно игнорируется диссертанткой, хотя здесь, на наш взгляд, ее могли бы ждать неожиданные и содержательные открытия. В свете интереса Иванова к Фридриху Велькеру стоило бы обратить внимание на книгу последнего «Die Äschyleische Trilogie Prometheus und die Kabirenweihe zu Lemnos», где Велькер рассматривает все трилогии Эсхила, в том числе «Орестею», которую Иванов полностью перевел. Кроме того, в период работы Иванова над Эсхилом вышла книга Виламовица «Aischylos Interpretationen» (Berlin 1914). Полная внутреннего драматизма история идейно-научного противостояния Иванова с Виламовицем, описанная в статьях К.Ю. Лаппо-Данилевского, заставляет предполагать, что Иванов мог или даже должен был вступить в скрытую полемику с Виламовицем, выражающуюся в трактовке эсхиливских образов. Представляется, что диалог Иванова с Виламовицем не мог ограничиться только образом двойного топора, о котором очень детально пишет Лия Леонидовна.

Диссертационное исследование Л.Л. Ермаковой «Вячеслав Иванов – переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует пунктам 9-11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 года, а его автор безусловно заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Автореферат диссертации Л.Л. Ермаковой полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ.

9 июня 2021

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы и журналистики
Смоленского государственного университета

Леонид Геннадьевич Каяниди

Смоленский государственный университет
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
E-mail: leonideas@bk.ru
Тел.: 8-910-782-56-13

Подпись *Каяниди*
удостоверяю. Нач. отдела кадров СмолГУ

